

рархическая картина мира и личности, которые состояли из суммы элементов. Однако, как можно увидеть на языческих и средневековых христианских схемах, человек как микрокосм (Малый мир), изоморфный Макрокосму (Великому миру) – телу Великого Человека Вселенной был изображен там как «разрезанный человек в сборке», где каждой из двенадцати частей человеческого тела приписаны знаки Зодиака. Индивидуальное Я, личность, самость, еще не могли претендовать на роль центра картины мира, центра, который властно, личностно стягивал бы воедино все части, все элементы. Хотя и формально, по изначальному Творению человек создан как центр земного мира, но это место он утратил, и теперь его жизнь должна быть подчинена восстановлению *status quo*, прописыванию себя в центр земной картины. Но самое большее, на что человек может рассчитывать – это бытие лишь в качестве *посредника* между мирами,

занимающего *место центра* и выступающего неким «*заместителем*» центра. Только в эпоху Возрождения провозглашается и утверждается центром мира «*универсальный человек*», причем «*универсальный человек*» оказывается пребывающим везде, в каждом месте, и *Центр* как *Место* растягивается словно шагреновая кожа. А человек получает способность «притягивать» к себе экзистенциалы, или, если угодно, экзистенциалы начинают «проникать» в феноменологическую топiku человека.

1. См.: Хоружий С.С. Диптих безмолвия. М., 1991. С. 36.
2. Абеляр П. История моих бедствий. // Августин Аврелий. Исповедь. Абеляр П. История моих бедствий М., 1992. С.272-273.
3. Святой Дионисий Ареопагит. О Божественных Именах // Мист. богословие. С.40-41.
4. Гвардини Р. Конец Нового времени. // Феномен человека. С.256-257.

ЗАКАТ ГУМАНИЗМА

Рупатов
Муслим

Евразийский национальный университет им. Л.Н.Гумилева, проректор, г.Астана, Республика Казахстан

Метафизик: Возращенное бытие сущего в истоках биокосмического становления, формообразуясь в режиме тотального универсума, сегодня панически выбивает почву у себя из под ног. Бытие сущего во всех его созданных структурах претерпевает крах, испытывает бессилие, как перед собственными гиперболами, так и перед неизбежной тотальной неопределенностью.

Муслим Рупатов (Астана, Казахстан)

Физик: Странно слышать подобные умозаключения, когда реальная картина познания имеет весьма внушительные результаты высвобождения сущего, в смысле особой бытийной самодостаточной системы.

Метафизик: Странность для вас естественна, ибо познание в вашем понимании – это некая игра с бытием природы, как детская забава в прятки; создав нечто технико-инструментальное, вы на какое-то время прячетесь от угроз, потом снова оказываетесь в плену последних. Вы полагаете, что в этой игре важно предвидеть характер предстоящей угрозы и подготовиться к ее избеганию.

Физик: А вы полагаете, нет необходимости делать это, по-вашему, надо смиренно ждать своей участи. Да и вообще, наша работа направлена не только на противостояние бытию тотального, мы, если вы еще не забыли, должны

обеспечивать себя воспроизводством в бытии.

Метафизик: Как же можно об этом забыть, если именно последнее и послужило стимулом тотального безумства. В истоках бытия истории, естественное желание быть сытым и защищенным, со временем, посредством уникальной способности мышления, переросло в безмерное ненасытство и безмозглую агрессивную самоуверенность. Мышление стало для вас средством и смыслом техники, не осмыслив потаенную сущность его бытия, вы превратили его в самоубийцу.

Физик: Но не можете же вы спорить с тем, что технический, а точнее естественно-научный аспект мышления, во-первых, некогда был возвращен вами, во-вторых, этот модус принес немало практической пользы, что в свою очередь прогрессивно повлияло на бытие социума. Я полагаю, вы не станете оспаривать факт современных достижений науки, ведь это очевидно.

Метафизик: Относительно возвращения все верно, но сухо. В Античности система научного знания была пропитана философским осмыслением, что пробудило в Мышлении определенную самодостаточность в когнитивном плане, но по мере разветвления и углубления знаний, фактор философской озабоченности был смещен на второй план, и в этом собственно кроется сущность естественно – научного кренизма. Познание, как примитивный акт приспособления, в эпоху Античной Греции и Рима трансформировалось в акт целостного и системного самопознания человеком устоев собственного бытия. Сущее-быть стало понимать собственную способность безмерно

творить, и именно это стало его беспокоить, его стала волновать сущность феномена Мышления. *Просто Быть* переросло в *Может быть*, сущее, как плод тотального бытия, интеллигибельно произрастало и формировало собственное бытие. Так вот, озабоченность вопросом истинности границ собственной бытийной экзистенции в контексте бытия мира явило собой Гуманизм.

Физик: Это стало возможным, когда познающий был в одном лице философом и естественником, однако, как мы уже отмечали, рост знаний увеличивался как снежный ком, и гуманизм, в свою очередь, из феномена целостной заботы духа скатился до фактора примитивной, утилитарной потребности, и этому естествознание беспомощно было противостоять. Гуманизм приобрел прагматическую ценность, и к чему это приведет, было не важно.

Метафизик: Проблема материального благополучия не является вне-гуманной составляющей, последнее входит в нее как часть; я бы не хотел рассуждений в плоскости материального и духовного как взаимоисключающих друг друга. Напротив, это одно целое, ибо гуманизм как проблема далеко небестелесное явление. Гуманизм, как забота духа, есть ответственность перед всем, что его определяет, в данном случае уместно вспомнить о нравственности.

Физик: Весьма уместно, ибо последнее никак не вписывается в систему и предмет научного познания. О какой нравственности может думать ученый, когда поток его мыслительной деятельности имеет априорный, произвольный характер, о чем думали те, кто создавал оружия уничтожения, вы полагаете о нрав-

твенности? Нравственность, гуманизм и прочие ценности бессильны приостановить движение мысли техно-логоса.

Метафизик: Мы с вами говорим на разных языках, что в свою очередь подтверждает Вашу отчужденность от сути проблемы. Речь не идет о нравственности в социально-историческом плане, что тоже не маловажно, речь идет о нравственной ответственности перед самим феноменом Мышления. Откуда вы взяли, что парадигма рации и эксперимента, которой вы пользуетесь, может доподлинно отражать сущность Мышления? Вдохновляясь успехами неких технических приспособлений, вы настолько углубились в последнее, что совсем забыли об органической природе Мышления.

Физик: Да, но рационализация, кстати, любезный подарок метафизики. Кто, как не Вы, в лице ее отдельных представителей, особенно Канта и Гегеля, пропозиционировали рациональное в виде сущности Мышления?

Метафизик: Простите, но после них был Хайдеггер, и он предупреждал вас об угрозе и опасности технической рационализации.

Физик: Возможно, но он был не убедителен и неспонят, его взгляды имели пропедевтический характер и не подошли на концепцию о Мышлении в традициях метафизики. Хайдеггер – это некий синтез метафизики и филологии. Это с одной стороны, а с другой, пришло время, когда уже поздно переосмысливать.

Метафизик: По поводу Хайдеггера поговорим отдельно, а что касается запоздалости неосмысления, тут полагаю, вам следует объясниться.

Физик:

Все довольно просто и чудовищно вульгарно. Наука нового времени (естественная) – это уже не индивидуальная деятельность, а некий корпоративный бизнес. Глобальная капитализация современного мира контролирует процесс научного образования, стимулируя только те ростки, которые отвечают его интересам. Бытие науки произрастает в безличную, я бы сказал в не-органическую форму, где вообще не может быть и речи о какой-либо гуманности и нравственности.

Метафизик: Не все так безнадежно, как вам кажется, я не могу игнорировать обозначенную вами тенденцию обезличивания науки. То, что мы с вами сегодня наблюдаем, а именно самоуничтожение человеком собственной сути – есть результат, начало которого было заложено научно – техническим прогрессом.

Физик: В чем же спасительное, позвольте узнать, и есть ли оно вообще?

Метафизик: Как говорил все тот же Хайдеггер: «Спасительное там, где губительное», ибо только когда мы видим реальные параметры угрозы, тогда мы способны адекватно оценить допущенные просчеты. Сегодня мы видим: единственный и существенный просчет фундируется в недоосмыслении феномена Мышления, что в свою очередь привело в системном, научном, социальном и прочих сферах к дисбалансу и полной анархии ценностей. Спасительным, стало быть, является довершение губительным своего дела до конца.

Физик:

Значит, мы обречены на трагический исход рациональной парадигмы Мышления, и ничто не в силах это приостановить. А как же в таком

случае вы, разве вы неспособны повлиять на это?

Метафизик: Должен поправить вас: мы обречены не только рационализацией, последнее не так уж плохо, а сущность нашей обреченности в разгерметизированности Мышления. Понятие рационального, которым мы сегодня оперируем – это экспериментально доказуемая вещь, в составе которой не может быть примеси чувственного – это первое, второе – рациональное – это вещь приносящая пользу, третье – это вещь, не противоречащая себе и, наконец, она безнравственна, а значит антигуманна. Рациональное для естественно-научного – это жалкое средство бытия быть.

Физик: А как иначе, оно средство решения многих вопросов, о чем мы уже говорили. Другой вопрос, как пользоваться достижениями науки? В этой связи уместно поставить вопрос о социальной и политической нечистоплотности и безнравственности. Да я знаю, вы мне опять укажите на гуманизм в метафизическом плане, но извините, в этом плане время не дает нам покоя. Мы не можем, открыв что-либо фрагментарное, но исключительно полезное, выждать метафизической реакции на это. Время, которым мы располагаем, само предопределяет нашу судьбу, оно бескомпромиссно и нам следует торопиться, ибо некое тотальное другое время вынуждает и вытесняет нас из нашего привычного пространства.

Метафизик: Вот именно поэтому погрешна ваша парадигма, вы полагаете, что можете вечно уходить и прятаться от силы тотального бытия, вы кинули вызов тому, кого и представить себе не можете. Время и Пространство в вашем

понимании есть некая цикличность, система координат, которую можно просчитать и вычислить. И все же ваши жалкие притязания изначально обречены, ибо, не разобравшись в себе, вы пытаетесь разобраться с безграничным бытием универсума, заметьте, безграничным во времени и пространстве, что никак не вписывается в вашу парадигму.

Физик: Думаете, возможна принципиально иная парадигма? Хотите откровение: я думаю, никакая парадигма не способна отвечать требованиям гуманизма. В любом случае человек – это звено в огромной цепи вселенского бытия, и постав его бытия функционально временен в биологическом аспекте. Человек, как феномен органической субстанции, со временем трансцендируется в сверх- или пост-человека, который способен обходиться без естественной среды обитания, без органического питания, без привычного земного социума, семьи, детей и пр., но при всем этом, он сохранит одно единственное качество – Мышление.

Метафизик: Если сохранится Мышление, то вместе с ним сохранится и его самоанализ в контексте тотального. Самосознание Мышления в таком виде, было, есть и будет всегда, и это и есть гуманизм в метафизическом плане. Я согласен с вашим видением относительно земной миссии человека, хотя формы трансформации могут быть разными. Полагаю, отдельные виды, носители органической мысли все же сохраняются, но я хочу обратить ваше внимание на то, с какой системой Мышления мы пойдем в будущее. Представьте в себе и для себя целостную картину Мышления, которой вы на сегодня владеете и попытайтесь мне ее описать.

Физик: В себе и для себя Мышление процессуально – от конкретного чувственно-эмпирического к абстрактно рациональному, хотя с другой стороны, оно может трансцендироваться от априорного к апостериорному. Оно, как бы и то и другое, все зависит от того, какова предметность Мышления.

Метафизик: А если предметом является оно само, и потом вы всего лишь описали способ бытия Мышления для меня как некий метод познания. Я же прошу вас представить его для себя как определенную структуру, что это оно вербально для вас как некая система координат, где все расписано по полочкам, подобно физическому.

Физик: Аналогично физической предметности представить нельзя, ибо то, что вы мне предлагаете вообразить, является субстанцией органически ментальной, а потому и сложно улавливаемой. Можно, конечно, с помощью тех или иных категорий схватить относительный инвариант структуры ее бытия. В одном случае, я могу определить Мышление для себя как сознание, в другом, напротив, бессознание. Можно опереться на память, интуицию и т.д., но это будут те или иные формы ее бытия. Что касается общей картины, целостной структуры, как системы, я не могу представить.

Метафизик: Вот поэтому возникает вопрос, а точнее проблема гуманизма. Мы владеем большим количеством по разнообразию Лого-форм относительно феноменности бытия Мышления, но не имеем относительно ясной концепции ее целостности. Вы спросите, для чего нам это надо, вопрос призовет к поставу Времени. Дело в том, что все имеющиеся категории Мышления имеют существенный

для него статус временного самоопределения. В одном случае это может быть время и пространство как априорная форма, в другом – негация форм сознания из чистого бытия в наличное, а в третьем – время мышления будет заботой экзистенции сущего в структуре тут здесь и там. Каждая из представленных моделей верна, но недостаточна, ибо помимо того, что я резюмировал, более ничего о Мышлении сказать не могут. К примеру, каков статус Мышления во времени на уровне сознания или бессознания, на основании чего вообще мы разводим их феноменную сущность. Возможно, вам скажут: сознание – это очевидная в представлении предметность Мышления. Бессознание – это сфера потаенного, и этого будет мало, так как возможно доказать обратное, и это относится ко всем остальным категориям Мышления. Сущностный постав последних определяется парадигмой физической концепции пространства и времени, как циклической системы событий, как снятие одной дефиниции другой, отсюда и весь бардак, игра понятий, как тебе удобно, так и закрутил, все равно, что это даст, лишь бы было удобно.

Метафизик: Вопрос целостности Мышления – это вопрос структуры бытия его форм само-представления в сущем для озабоченности временем экзистенциальной ответственности в просторах мировости. Бытие мира допустимо мышлением сущего в пределах концептуального самоанализа, горизонта стратегических перспектив, подлежащей окрестности пространства. Вопросание мышлением сущего сущности мышления отвечает бытийной востребованности, ценности последней в контексте исторической ретроспективы. Мышление, брошенное и забытое

собственной модальной установкой техно-логоса, прозябает и гибнет от преждевременной утраты ценности собственного бытия в эвристической самодостаточности. Мышление перестает быть предметом метафизического самопредставления, оно все более и более частно прикладное, космически огородное средство обработки и переработки отходов технопроизводства. Возможно, высокая продуктивность техноотходов есть следствие низкой гуманистической культуры мышления.

Физик: Если даже принять во внимание ваши претензии и восстановить традиции гуманизма в контексте метафизического осмысления, что тогда может быть с технологическим, оно что исчезнет, или будет менее отходным?

Метафизик: Прежде всего, техно-логос обретет заботу и попечительство, а это позволит прогнозировать и моделировать целостную заботу мыслимой сущности сущего. Вся проблема в том, что техно-логос онтологически спекулирует онтической возможностью мышления, мышление работает на износ в угоду утилитарной зависимости. Это зависимость сродни наркомании, вы с каждым днем увеличиваете дозу потребления, что в свою очередь приводит к росту производства, вы впали в гонку, и она вытесняет вас из вашего Земного дома. Для вас теперь уже не может быть дома в привычном традиционном классическом ландшафте, дом к которому вы обреченно стремитесь, не имеет тепла и уюта, поскольку фундамент про-логической основы его передается вами в безвозвратное забвение времен гуманизма. Метафизическое осмысление гуманизма должно восполнить временную отчуж-

денность мыслящей субстанции техно-логоса. Техно-логос – это не Логос в полном смысле. Техно-логос – модально-феноменальная акциденция последнего, призванная обеспечивать физическое средство трансценденции мыслящей субстанции в пространстве и времени бытия космического. Гуманизм возможен как состояние непрерывного вопрошания Логосом фундаментальных основ про- и мета-логического времени трансцендентальной целостности мышления в структуре бытия экзистенциальной мировости мира. Гуманизм – это любовь и забота мыслящим субстратом логоса безмерных возможностей субстанции мышления.

Физик: Думаете, техно-логос чрезмерно торопится, а может быть, даже недопонимает возможности осмысления мышления, и этим самым наносит ущерб как собственной безопасности, так и безопасности Бытия сущего?

Метафизик: Я так не думаю, я в этом абсолютно уверен. Дорога, выбранная вами вовсе не дорога, а всего лишь проселок, который возможно выведет Вас на дорогу, но для этого необходимо постоянно помнить об источности вашей просеки, иначе можно заблудиться и бесконечно блуждать в беспамятстве и отрешенности. Не торопитесь и не торопите экзистенциальность сущего, сущее с вашей подачей теряет свое существо; возымейте совесть, вернитесь в историчность традиции и запросите ответственность за свои поступки. Вопрошание и осмысление ответственности должно быть мышлением ради самого мышления.

Физик: Понятие гуманизма шлифуется вами в средствах представления мышле-

нием для мышления, я думал – достаточно заботы о сущем, то есть обычного понимания последнего. В любом случае, физическое, экономическое и прочие способы решения вопросов человеколюбия, так или иначе, будут иметь издержки, но важна сама по себе конечная цель, ибо все, что мы делаем, мы делаем ради обеспечения постоянства сущего и его блага. Вне техно-логоса сущее не способно существенно продвинуться в этом направлении.

Метафизик: Я отнюдь не возражаю против техно-логических усердий, я возражаю против упразднения метафизического осмысления гуманизма как феноменности мышления. Мы перестали думать о своих возможностях, в думании мы перестали представлять себе представляющее в представлении, мы упокоились тем, что имеем, и это антигуманно. Опомнитесь, проснитесь от пьяной самодовольной сытости, не ищите проблемы вне себя, они не снаружи, они в вашей голове, вы решили плюнуть на метафизическое вольнодумие, полагая, что вам все известно о том, чем думаете.

Физик: В таком случае, дайте повод к возвращению, к атараксии в мышлении; мы не видим интриги, мы вообще не видим и не чувствуем близость метафизического спасения. Вы замкнулись в себе, огородились языком, и видите в этом некое особенное таинство и призвание. Откройтесь, обратите к нам, сущим, свои помыслы, а вместе с ними надежды на реанимацию гуманизма в мышлении. В результате нашей беседы я четко понял, что путь, выбранный нами сегодня, отчуждает сущность гуманизма в смысле отдаления логосом сущего от бытийной окрестности мышления сущего. Прозорливый и

говорливый логос увлекся открытой видимостью результатов, собственных утилитарных возможностей, и ему нет дела до устоев сущности вне его субстанции. Возможно, логос в своем говорении и дозволении излишне лукавит и импровизирует, тем не менее, он – единственный источник просветления в бытии, нам ничего не остается, как только работать с ним.

Метафизик: Поводом к восстановлению вопроса гуманизма является его отчуждение от сущности мышления как метафизической проблемы, что в свою очередь на уровне бытия экзистенциальности сущего влечет за собой массу проблем социального, политического и прочего характера. Сегодня мы бездумно, не обдумав переданное нам полномочие мыслить, грыземся друг с другом, вместо того, чтобы осмотреться в себе и найти возможность альтернативных решений для себя, которые сокрыты в безмерной возможности мышления. Мышление – феномен бытия космоса, а мы всего лишь его временные носители, у коих есть шанс через его самопознание выйти к просторам вселенского познания. Нам необходимо восстановить вопрос о Мышлении в пост-классических традициях и создать нео-концепцию, которая могла бы решить вопросы непродуманности логоса в единой целостной концепции про- и мета-, а иначе гуманизм воплотится в техницизм.

Физик: Полагаю, в следующей нашей беседе вы представите наброски этой нео-концепции. В любом случае постановка вопроса о гуманизме в метафизическом плане меня устраивает, поскольку это может только способствовать техно-логосу и сущему в целом.